

Трансформация идеологии Сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов и ее основные факторы

С. С. Кульпинов

*Томская духовная семинария, Томск, Россия
agnus.dei@rambler.ru*

Аннотация. В статье исследуется проблема эволюции идеологии сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов. Автор опирается на неопубликованные материалы работы всесибирских и региональных обновленческих церковных институций. Определяются ключевые особенности церковно-реформистской и политической идеологии сибирского обновленчества к середине 1920-х годов. Исследуется процесс трансформации идеологии и повлиявшие на него факторы. Автор приходит к выводу о том, что трансформация идеологии обновленчества в Сибири во второй половине 1920-х годов произошла, практически исключительно, за счет внешних факторов.

Ключевые слова: обновленческий раскол, церковные реформы, женатый епископат, политическая лояльность религиозных институций, Сибирская обновленческая церковь, митрополит Петр Блинов

Для цитирования: Кульпинов С. С. Трансформация идеологии Сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов и ее основные факторы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 3 (856). С. 83–90.

Original article

The Transformation of the Ideology of Siberian Renovationism in the Second Half of the 1920s and Its Main Factors

Sergey S. Kulpinov

*Tomsk Theological Seminary, Tomsk, Russia
agnus.dei@rambler.ru*

Abstract. The article examines the problem of the evolution of the ideology of Siberian Renovationism in the second half of the 1920s. The author relies on unpublished materials from the work of all-Siberian and regional Renovationist church institutions. The key features of the church reformist and political ideology of Siberian Renovationism by the mid-1920s are determined. The process of ideology transformation and the factors that influenced it are investigated. It is concluded that the transformation of the ideology of renovationism in Siberia in the second half of the 1920s occurred almost exclusively due to external factors.

Keywords: renovationist schism, church reforms, married episcopate, political loyalty of religious institutions, Siberian Renovationist Church, Metropolitan Peter Blinov

For citation: Kulpinov, S. S. (2024). The transformation of the ideology of Siberian Renovationism in the second half of the 1920s and its main factors. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(856), 83–90. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Обновленческий раскол в истории Русской Православной Церкви определенно являлся как церковно-реформистским, так и политическим движением, в силу чего его идеологию следует подразделять на собственно церковную и политическую. Изменения обновленческой идеологии во второй половине 1920-х гг. определенно представляют значительный научный интерес, поскольку позволяют судить о трансформациях церковно-реформистских и просоциалистических религиозных движений под влиянием внешних и внутренних факторов.

С одной стороны, можно говорить о том, что идеология церковных реформ претерпевала определенные изменения как в силу постановлений двух обновленческих Поместных соборов (1923 и 1925 годы), так и в силу частной трансформации отдельных церковных практик и необходимости его идеологического обоснования. Кроме того, отдельные церковные практики, вызывавшие негативную реакцию со стороны мирян, в условиях противостояния с Патриаршей Церковью, напротив, смягчались или совершенно выходили из употребления [Обновленческий раскол, 2002] что также требовало какого-то идеологического обоснования.

С другой стороны, очевидно, что во второй половине 1920-х гг. не только обновленцы, но и ряд других церковных течений в СССР окончательно встали на позиции поддержки советской власти и ее идеологии [Обновленческий, 2002, с. 42–44]. Следовательно, обновленчество утратило свою политическую эксклюзивность, хотя данный процесс определенно начался значительно ранее – с покаяния Патриарха Тихона (Беллавина) перед советской властью и последовавшего затем его освобождения из-под домашнего ареста [Лобанов, 2019]. Уже в этот момент, в июне 1923 г., можно говорить о том, что обновленчество постепенно начало утрачивать свое значение как просоветское церковное движение [там же]. Вместе с тем переход ряда других церковных течений на просоветские позиции не означал, что обновленцы отказались от своей политической идеологии.

Как история обновленческой идеологии в целом, так и история идеологии сибирского обновленчества в отдельности ранее крайне слабо исследовались в научной литературе. В ряде общих работ по истории раскола на общесоветском и региональном уровне данный вопрос в принципе не поднимался. Развитие обновленческой идеологии затрагивалось в диссертационном исследовании Д. А. Головушкина, однако автор практически не уделяет внимания трансформации идеологии

обновленческого раскола во второй половине 1920-х годов и ее угасанию в 1930-х годах [Головушкин, 2020]. Кратко состояние обновленческой политической идеологии в конце 1920-х гг. охарактеризовал священник И. Соловьев в статье «Декларация митрополита Сергия (Страгородского) и “обновленческий” раскол» [Соловьев, 2024]. При этом сибирская обновленческая идеология ранее практически не исследовалась. В большинстве работ по истории сибирского обновленчества этот вопрос не исследовался [Цыремпилова, 2008; Петров, 2008; Петров, 2009; Петров, 2013; Петров, 2020; Никулин, 2011]. Отдельные аспекты развития идеологии сибирского обновленчества в более ранние периоды затрагивались автором в предыдущих публикациях [Кульпинов, 2024а; Кульпинов 2024б].

В рамках настоящего исследования ставится цель определить основные особенности трансформации сибирской обновленческой идеологии и ее ключевые факторы во второй половине 1920-х годов. Для достижения данной цели автором выдвигаются следующие задачи:

1. Определить основные особенности состояния обновленческой идеологии в Сибири к середине 1920-х годов;
2. Вычленить ключевые особенности трансформации сибирской обновленческой идеологии во второй половине 1920-х годов и определить факторы, повлиявшие на этот процесс.

В рамках данного исследования автор отталкивается от принципов научной объективности и историзма, использует сравнительно-исторический, историко-генетический и хронологически-проблемные методы. Основными источниками настоящего исследования служат материалы деятельности общесибирских и региональных обновленческих институций из Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК).

ЭВОЛЮЦИЯ СИБИРСКОЙ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА РАННЕМ ЭТАПЕ И ЕЕ СОСТОЯНИЕ К СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

Если говорить о Сибирской обновленческой церкви (термин, использовавшийся по отношению к обновленческим структурам в Сибири самими обновленцами) как об отдельном феномене внутри советского обновленчества, то ее идеология имела некоторые отличительные черты. Они сложились уже на этапе становления обновленческого раскола в Сибири, т. е. на рубеже 1922–1923 годов.

Эти особенности можно кратко охарактеризовать как стремление Сибирской церкви к тотальному внедрению женатого епископата и ликвидации монашества, а затем, ввиду отсутствия поддержки этих идей на общесоветском уровне, к созданию автокефальной Сибирской церкви. Политическая идеология сибирских обновленцев принципиально не отличалась от идеологии остального обновленчества, однако можно выделить обращение к сибирским реалиям в политических декларациях Сибирской церкви и ее отдельных архиереев¹.

Следует отметить, что идея сибирской автокефалии, как и вообще понятие об автокефалии в обновленчестве отличалось от традиционной трактовки данного канонического термина. Автокефалия внутри советского обновленчества не означала полной церковной независимости. До некоторой степени, при предоставлении автокефального статуса, обновленческий Священный Синод ориентировался на формально независимый статус республик внутри СССР². Иными словами, обновленческая «автокефалия» не означала полной церковной независимости, однако подразумевала определенную автономию во внутренних делах. Именно в силу такой автономии Украинский обновленческий синод (формально автокефальный) имел возможность вести достаточно консервативную политику на фоне остального обновленчества, развивая только монашескую епископату³. Аналогичных прав автономии под именем автокефалии, по всей вероятности, добивалось и сибирское обновленчество, не удовлетворившись слишком консервативными, по его мнению, итогами обновленческого II Поместного собора 1923 года⁴.

Пиком автокефалистских устремлений Сибирской обновленческой церкви следует считать II Всесибирский церковный съезд, проходивший с 5 по 13 мая 1924 года в Новониколаевске. На данном съезде утверждалась необходимость борьбы за распространение женатого епископата, было провозглашено, что Сибирская церковь имеет собственную каноническую территорию и стоит выше митрополий (объединяет две обновленческие митрополии: Сибирскую и Дальневосточную, что

не было предусмотрено в рамках обновленческого деления на епархии и митрополии), кроме того, митрополит Петр Блинов объявлялся пожизненным главой Сибирской церкви⁵. Иными словами, хотя прямо автокефалия не была провозглашена, съезд принял постановления о широкой внутренней автономии сибирского обновленчества.

К середине 1920-х гг. сибирскими обновленцами продолжалось и развитие идеи тотального внедрения семейного епископата. Особенно четко эта идея просматривалась в посланиях митрополита Петра Блинова конца 1924 – начала 1925 годов. Последний прямо говорил о необходимости полной замены монашеского епископата женатым, архиереи-монахи воспринимались им только, как тактические союзники в борьбе с Патриаршей Церковью⁶. Примечательно, что в послании, адресованном сибирским архиереям-обновленцам в связи со смертью Патриарха Тихона (Беллавина), митрополит Петр подчеркивал, что противодействие с каноничной Церковью вскоре прекратится по причине краха последней, следовательно, необходимо направить все силы на подавление монашеского епископата уже внутри обновленчества⁷.

С другой стороны, нельзя говорить о том, что с 1922 по 1924 год идея семейного епископата в Сибири претерпела какие-либо трансформации. Усугубление данной идеи определенно отрицалось в этот период сибирскими обновленцами. В частности, на уже упоминавшемся выше II Всесибирском церковном съезде делегаты однозначно высказались за лишение сана вступившего в повторный брак архиепископа Михаила Николаева, поскольку второбрачие, по их мнению, дискредитировало саму идею брачного епископата⁸.

Говоря об отношении Сибирской обновленческой церкви к монашеству, следует отметить, что ликвидация городских монастырей и разрешение на вступление монашеского духовенства в брак с условием сохранения сана были утверждены еще на Всесибирском съезде «Живой церкви» в октябре 1922 года⁹. Однако осуществление данных постановлений натолкнулось на сопротивление со стороны клира и мирян в сибирских

¹Послание архиепископа Василия Виноградова от 10 октября 1923 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–1 об.; Циркуляр Сибирского областного церковного совета от 19 ноября 1923 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 37–39.

²Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 78.

³Послание Сибирского областного митрополитанского церковного управления от 24 августа 1928 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 161. Л. 1.

⁴Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 78, 82.

⁵Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 85–86 об.

⁶Послание митрополита Петра Блинова от 15 октября 1924 г. // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–2 об.

⁷Послание митрополита Петра Блинова от 9 мая 1925 г. // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1 об.

⁸Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАИО. Ф. Р–1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 79.

⁹Протоколы Всесибирского съезда «Живой церкви». 1922 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

епархиях¹. Снятие монашеских обетов и назначение бывших монахов в приходские церкви практиковались в 1922–1924 годах, однако не имели тотального характера². Вместе с тем начавшееся закрытие монастырей привело к росту оппозиции обновленчеству уже в конце 1922 года, вследствие чего в некоторых епархиях обновленцы не стремились форсировать этот процесс, хотя и после II Поместного собора продолжали отстаивать идею ликвидации монастырей³.

Политическая идеология сибирского обновленчества в период с 1922 по 1925 годы принципиально не изменилась, хотя, как и в остальном СССР, в Сибири наблюдалось постепенное сокращение государственной поддержки раскола. Если во второй половине 1922 года и начале 1923 года, как для самих обновленцев, так и для ряда провинциальных советских чиновников, отношения между обновленчеством и государством выглядели, как конкордат, а Сибирская церковь некоторое время позиционировала себя, как «религиозный отдел» Сибирского революционного комитета⁴, то со второй половины 1923 года обновленцы уже не пользовались безоговорочной поддержкой со стороны властей. Против них была развернута антирелигиозная пропаганда в печати [Левитин-Краснов, Шавров, 1996]. В то же время, в борьбе с Патриаршей Церковью сибирские обновленцы продолжали опираться на государство, активно привлекая карательные органы к устранению своих противников⁵. Такая тактика противодействия сохранялась и во второй половине 1920-х годов. В некоторых случаях сибирские обновленцы в середине 1920-х годов продолжали рассчитывать на государственную поддержку. В частности, на II Всесибирском церковном съезде поднимался вопрос о развитии внутренней миссии, которая предполагала

лояльность местных властей⁶. Кроме того, сибирское обновленчество продолжало поддерживать государственные инициативы, в частности, организовывать сборы средств на различные государственные нужды⁷, что в целом было характерно для всего обновленчества данного периода [Труды, 1925].

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИБИРСКОЙ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

На III обновленческом Поместном соборе, проходившем в Москве с 1 по 10 октября 1925 года, сибирская делегация вела себя достаточно активно и продолжала отстаивать идеи тотального внедрения женатого епископата, вместе с тем, как и на II Поместном соборе, данная идеология не получила широкой поддержки [Прения, 1926]. По итогам собора в Сибири было принято решение отстаивать свою идеологию и в дальнейшем, вести подготовку к IV Поместному собору, который планировалось провести в 1927 году⁸.

В то же время автокефалистские идеи в Сибирской церкви после III Поместного собора пошли на спад. Можно выделить несколько причин этого процесса. С одной стороны, изменяется государственная политика по регулированию церковных структур в СССР. В частности, для перерегистрации Сибирской митрополии в 1926 году потребовалось проводить перевыборы главы митрополии. Несмотря на то, что данный пост вновь занял митрополит Петр Блинов, его пожизненные полномочия, утвержденные в 1924 году, были фактически аннулированы⁹. Кроме того, обновленческий Синод не признал подчинения Дальневосточной митрополии Сибирской церкви, в связи с чем к 1926 году в Новосибирске окончательно перестали воспринимать Дальний Восток, как свою каноническую территорию¹⁰. Отдельно следует сказать о непризнании эксклюзивного статуса Сибирской церкви со стороны высшей обновленческой власти. Начиная с 1923 года Сибирь воспринималась в Священном Синоде, как одна из митрополий, не обладающая каким-либо исключительными

¹Материалы работы Сибирского церковного управления // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 20, 23; Материалы по закрытию Князе-Владимирского монастыря в Иркутске // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 43. Л. 3.

²Статистические сведения по Иркутской обновленческой епархии // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 284. Л. 2 об.; Материалы работы Иркутского епархиального церковного управления. 1922–1926 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 28. Л. 35 об.; Клировая ведомость Спасской церкви села Спасского Омской обновленческой епархии за 1926 г. // Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 31. Л. 10 об.

³Материалы по закрытию Князе-Владимирского монастыря в Иркутске // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 43. Л. 2; Материалы работы Забайкальского губернского церковного управления // ГАЗК. Ф. Р-422. Оп. 2. Д. 791. Л. 9.

⁴Материалы работы Сибирского церковного управления // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 493. Л. 66-68.

⁵Дело Успенской церкви г. Томска // ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 37. Л. 55; Циркуляр Иркутского епархиального церковного управления от 6 марта 1924 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 58. Л. 2.

⁶Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 89–89 об.

⁷Материалы работы II Всесибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 87.

⁸Материалы III Сибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 21. Л. 25.

⁹Материалы III Сибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 21. Л. 25.

¹⁰Материалы III Сибирского церковного съезда // ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 21. Л. 25.

правами, в дальнейшем контроль церковной жизни в сибирском обновленчестве со стороны Москвы постепенно усиливался, что привело к росту окончательному отказу от автокефалистских амбиций в Сибири¹. Несмотря на закрепление автокефалии Украинского обновленческого синода, на III Поместном соборе вопрос о сибирской автокефалии даже не поднимался.

После 1925 года идея тотального распространения семейного епископата продолжала отстаиваться сибирскими обновленцами, причем постепенно наметились тенденции к ее усугублению. Во второй половине 1920-х годов уже обсуждалась практика повторного брака архиереев. Кроме того, Сибирская церковь добилась восстановления в сане второбрачного архиепископа Михаила Николаева, который занял викарную кафедру в Новосибирской епархии². В то же время прекратились претензии на повсеместное распространение семейной иерархии за пределами Сибири. Они утратили свою практическую актуальность ввиду их безуспешности и отсутствия поддержки на III Поместном соборе.

Особого внимания заслуживает вопрос об отношении к монашеству. По мере закрытия монастырей и выхода действующих монашеских общин из обновленческой юрисдикции ко второй половине 1920-х годов эта проблема потеряла свою актуальность в Сибири. Вместе с тем отношение к монашествующему духовенству значительно изменилось. Если в период становления сибирского обновленчества монахи призывались к сложению обетов с сохранением священного сана, то во второй половине 1920-х годов в Сибирской церкви осуществляли свое служение монашествующие клирики, сведения о принуждении их к снятию монашества в документах отсутствуют³. Очевидно, что такая перемена в отношении к монашествующим связана с общим кадровым дефицитом в сибирских обновленческих епархиях и значительным сокращением кандидатов в священство в связи с общим ростом антирелигиозной политики в государстве и антирелигиозных настроений в обществе⁴.

Особого внимания заслуживают изменения в политической идеологии сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов. Как уже отмечалось выше, принципиально лояльное

отношение к советской власти в среде сибирских обновленцев не поменялось вплоть до конца 1920-х годов. Только с началом коллективизации можно говорить об отдельных примерах критики политики властей со стороны некоторых представителей обновленческого духовенства в Сибири. При этом официальные епархиальные власти осуждают подведомственных клириков за такую позицию⁵.

Помимо этого, сибирские обновленцы во второй половине 1920-х годов продолжают полагаться на государственную поддержку в борьбе с противостоящими церковными группировками, в первую очередь, с Патриаршей церковью. Об опоре на советские органы власти свидетельствует, например, положение в Иркутской епархии, где в апреле 1927 года по просьбе местных обновленцев было арестовано два каноничных архиерея и ряд видных священников, стоявших в оппозиции к обновленческому расколу⁶.

Вместе с тем, некоторые частные аспекты просоветской идеологии претерпели трансформацию во второй половине 1920-х годов. Насколько можно судить по имеющимся источникам, в отличие от периода становления раскола в 1922–1923 годы, после 1925 года обновленцы в Сибири перестали использовать патриотическую терминологию в отношении к советской власти. Убедительные сведения о причинах вешееуказанной перемены в обновленческом дискурсе отсутствуют, однако представляется наиболее вероятным, что отказ от своеобразного «советского патриотизма», т. е. использования патриотической терминологии по отношению к советскому государству, был связан с окончательным осознанием государственной борьбы с патриотизмом в церковной среде. Если ранее, в первой половине 1920-х годов, сибирские обновленцы использовали патриотические выражения в своих заявлениях о лояльности к новому государству по причине инертности и переноса на новый строй терминов⁷, применявшихся ранее, то во второй половине 1920-х годов в обновленческой среде было окончательно осознано, что новое государство отрицает патриотизм старого образца.

Помимо этого, к середине 1920-х годов в Сибири перестали осуществляться сборы средств в обновленческих храмах для государственных проектов, что активно практиковалось ранее. Причина этому также усматривается в негативной реакции

¹Материалы III Сибирского церковного съезда // ГАО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 21. Л. 26–27.

²Циркуляр Сибирского областного митрополитанского церковного управления от 24 августа 1928 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 161. Л. 1.

³Материалы Бурят-Монгольской обновленческой епархии // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 219. Л. 2 об.; Материалы Казанского кафедрального собора г. Иркутска // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 83. Л. 18.

⁴Протоколы заседаний Иркутского епархиального церковного управления и Восточно-Сибирского митрополитанского церковного управления. 1928–1932 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 182. Л. 2.

⁵Материалы работы Иркутского епархиального церковного управления. 1928–1929 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 185. Л. 13–14.

⁶Отчетные сведения Иркутского епархиального церковного управления. 1926–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 139. Л. 52.

⁷Дело Алексеевской церкви г. Томска // ГАО. Р-430. Оп. 1. Д. 36. Л. 26–27; Материалы Селенгинского уездного церковного съезда. 12 июня 1923 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 3. Д. 6. Л. 3.

на подобные акции со стороны властей. Помощь от религиозных структур фактически высмеивалась в официальной печати [Дорога, 1923].

Отдельно следует сказать, что в середине 1920-х годов повестка обновленческих церковных съездов детально согласовывалась с советскими карательными органами, поэтому не могла содержать вопросов, которые бы не встраивались в официальный советский идеологический дискурс. Определенно это видно на примере Дальневосточной обновленческой митрополии¹, однако, следует полагать, что в Сибири ситуация выглядела аналогично. С другой стороны, нет оснований полагать, что в более ранний период декларации советского патриотизма, как и постановления о сборах на государственные нужды, принимались без согласования с местными властями. Скорее, следует считать, что изменения в середине 1920-х годов могут быть связаны также с централизацией советской идеологии. Иными словами, если на этапе становления раскола, местные чиновники могли поддерживать обновленческие инициативы без согласования с Москвой, то к середине 1920-х годов такое своеволие уже не имело места. Следовательно, никаких самостоятельных деклараций, даже незначительно шедших вразрез с официальной государственной идеологией, обновленцы в Сибири принимать уже не могли.

Определенные изменения в политической идеологии сибирского обновленчества имели место и в связи с декларациями лояльности по отношению к советской власти со стороны других церковных группировок во второй половине 1920-х годов. Следует сказать, что в декабре 1925 года в связи с арестом местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра (Полянского) от Патриаршей Церкви отлагается Временный высший церковный совет (ВВЦС), заявивший на своем съезде о полной лояльности к советской власти [Лавринов, 2018]. В Сибири в марте 1927 года Томская епархия Патриаршей Церкви во главе с архиепископом Димитрием (Беликовым) на фоне данных событий объявила об автокефалии, то есть о переходе на самостоятельное управление², а затем вошла в подчинение Временному высшему церковному совету³. Примечательно, что декларации лояльности по отношению к государственной власти со стороны архиепископа Димитрия, в юрисдикции ВВЦС ставшего митрополитом

Сибирским, и его сторонникам полностью повторяли аналогичные обновленческие документы более раннего периода⁴.

С июля 1927 года на позиции лояльности советской власти окончательно становится и Патриаршая Церковь, что активно принимается в ряде сибирских епархий. Например, в Иркутской епархии Патриаршей Церкви «Послание к пастырям и пастве» митрополита Сергия (Страгородского) не вызвало какого-либо отторжения со стороны духовенства и мирян⁵.

На этом фоне сибирским обновленцам было важно доказать, что именно они являются подлинными носителями провластной идеологии, при том, что для других церковных группировок аналогичная позиция является не более, чем мимикрией. Этот тезис постоянно подчеркивался в посланиях сибирских обновленческих церковных управлений 1927–1928 годов и других официальных документах⁶. Можно говорить о том, что сама политическая идеология сибирского обновленчества в связи с этим не поменялась, однако обновленцы в Сибири сосредоточились на критике своих оппонентов, обвиняя их в неискренности аналогичных заявлений. Кроме того, в обращениях к пастве нередко подчеркивалось, что именно обновленцы являются последовательными сторонниками советской власти, следовательно, после того как все остальные встали на аналогичные позиции, логично переходить именно в обновленческую юрисдикцию⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, во второй половине 1920-х гг. Сибирская обновленческая церковь отказывается от автокефалистских устремлений. Их аннигиляция вызвана изменением государственного законодательства, а также отсутствием поддержки данных идей со стороны высшей обновленческой церковной власти. Кроме того, обновленческий Священный Синод в целом усиливал контроль над региональными церковными структурами в данный период.

⁴Материалы Томского епархиального съезда 1–3 марта 1927 г. // ГАТО. Ф. Р–430. Оп. 1. Д. 116. Л. 3 об.

⁵Текущие материалы Иркутского епархиального церковного управления. 1927–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 121. Л. 17.

⁶Заявление Никольской обновленческой общины г. Томска от 4 мая 1927 г. // ГАТО. Ф. Р–430. Оп. 1. Д. 59. Л. 124; Отчетные сведения Иркутского епархиального церковного управления. 1926–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 139. Л. 78, 82; Отчет о положении Красноярской обновленческой епархии к 1931 г. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 211. Л. 3 об.

⁷Отчетные сведения Иркутского епархиального церковного управления. 1926–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 139. Л. 78; Текущие материалы Иркутского епархиального церковного управления. 1927–1928 гг. // ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 121. Л. 17.

¹Материалы Дальневосточного церковного съезда 1926 г. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 424. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 8.

²Материалы Томского епархиального съезда 1–3 марта 1927 г. // ГАТО. Ф. Р–430. Оп. 1. Д. 116. Л. 3, 5 об., 33.

³Дополнения к материалам Томского епархиального съезда // ГАТО. Ф. Р–430. Оп. 1. Д. 116. Л. 85.

Идея тотального распространения семейного епископата, не имея поддержки на общесоветском уровне, также постепенно начала угасать в Сибирской церкви, хотя следует сказать об усугублении взглядов на брачную иерархию, в частности, о допустимости второго брака для епископов в Сибири. С другой стороны, взгляды сибирских обновленцев на монашество значительно смягчились ввиду кадрового кризиса и необходимости использования всего лояльного духовенства, в том числе, и монахов.

Во второй половине 1920-х годов Сибирская церковь полностью отказывается от идей «советского патриотизма» и сборов средств на государственные нужды, что, вероятно, явилось следствием централизации государственной идеологии, в условиях которой кураторы на местах уже не позволяли обновленческим деятелям высказывать мнения, идущие вразрез

с официальной позицией государства по данным вопросам. В ситуации, в которой иные церковные группировки также встали на позиции лояльности советской власти, сибирские обновленцы не изменили сущности собственной политической идеологии, однако повсеместно стали позиционировать себя именно в качестве подлинных носителей лояльности официальным властям, занимающих последовательную позицию по данному вопросу.

В целом, трансформация идеологии сибирского обновленчества во второй половине 1920-х годов происходит фактически исключительно за счет внешних факторов: отсутствия поддержки сибирских реформистских идей на общесоветском уровне, усиления государственного идеологического контроля и переход на позиции лояльности по отношению к советской власти иных церковных группировок в СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической оценки) / сост. иерей И. В. Соловьев. М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2002.
2. Лобанов В. В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). СПб.: Петроглиф, 2019.
3. Головушкин Д. А. Феномен обновленчества в Русском Православии первой половины XX века: дис ... докт. филос. наук. СПб., 2020.
4. Соловьев И. В., иерей. «Декларация митрополита Сергия (Страгородского)» и «обновленческий» раскол // Томский богословский вестник. Теология. Право. Экономика. 2024. № 3 (5). С. 47–53.
5. Цыремпилова И. С. Русская Православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, 2008.
6. Петров С. Г. К биографии обновленческого митрополита Сибирского Петра (Блинова). Часть II // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования: сборник материалов международной научной конференции. 2008. С. 122–143.
7. Петров С. Г. Циркулярные послания обновленческого Сибирского областного церковного совета о патриархе Тихоне // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 210–217.
8. Петров С. Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 79–82.
9. Петров С. Г. Листовка «Памятка для церковников» как источник по истории обновленческого раскола на Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2020. Т. 19. № 1. С. 132–143.
10. Никулин А. А. Обновленческий раскол в Западной Сибири в 1920-х – 1930-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. 2011. Вып. 2. С. 85–90.
11. Кульпинов С. С. К проблеме трансформации сибирской обновленческой идеологии в середине 1920-х годов: итоги III Поместного собора в Сибири и III Сибирский областной церковный съезд 1926 года. // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2024. № 1 (22). С. 31–46.
12. Кульпинов С. С. Становление и ключевые особенности сибирской обновленческой идеологии на раннем этапе (1922–1923) // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 317–329.
13. Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Издательство Крутицкого подворья, 1996.
14. Труды Первого Всероссийского Съезда или Собора Союза Церковного Возрождения. Л.: б.и., 1925.
15. Прения по докладу прот. П. Н. Красотина // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 15–17.
16. Дорога в ад // Бурят-Монгольская правда. 1923. 21 ноября. С. 3.
17. Лавринов В. В., протоиерей. Временный Высший Церковный совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). М.: Общество любителей церковной истории, 2018.

REFERENCES

1. Solovyov, I. V., priest (Compl.). (2002). Obnovlencheskij raskol (Materialy dlya cerkovno-istoricheskoy i kanonicheskoy ocenki) = The Renovatianist Schism (Materials for Church historical and canonical assessment). Moscow: Izdatel'stvo Krutickogo podvor'ya, Obshchestvo lyubitelej cerkovnoj istorii. (In Russ.)
2. Lobanov, V. V. (2019). «Obnovlencheskij» raskol v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (1922–1946 gg.) = The “Renovationist” schism in the Russian Orthodox Church (1922–1946). Saint-Petersburg: Petroglif. (In Russ.)
3. Golovushkin, D. A. (2020). Fenomen obnovlenchestva v Russkom Pravoslavii pervoj poloviny XX veka = The phenomenon of Renovatianism in Russian Orthodoxy in the first half of the 20th century: Doctor of Philosophy. Saint-Petersburg. (In Russ.)
4. Solovyov, I. V., priest (2023). The “Declaration of Metropolitan Sergius (Stragorodsky)” and the “Renovationist” schism. Tomsk Theological Bulletin. Theology. Right. Economy, 3 (5), 47–53. (In Russ.)
5. Cyrempilova, I. S. (2008). Russkaya Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo: istoriya vzaimootnoshenij v 1917–1930-e gg. (na materialah Bajkal'skogo regiona) = The Russian Orthodox Church and the State: the History of Relations in the 1917–1930s. (based on the materials of the Baikal region). Ulan-Ude : Vostochno-Sibirskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv. (In Russ.)
6. Petrov, S. G. (2008). K biografii obnovlencheskogo mitropolita Sibirskogo Petra (Blinova) = On the biography of the Renovatianist Metropolitan of Siberia Peter (Blinov). Part II. Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii: Istochniki i issledovaniya (pp. 122–143) : Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii . (In Russ.)
7. Petrov, S. G. (2009). Circular messages of the Renovatianist Siberian Regional Church Council on Patriarch Tikhon. Vestnic NSU. Series: History, Philology, 8, 1, 210–217. (In Russ.)
8. Petrov, S. G. (2013). The Renovatianist Church schism in Siberia. Humanities in Siberia, 4, 79–82. (In Russ.)
9. Petrov, S. G. (2020). Leaflet “Memo for churchmen” as a source on the history of the Renovatianist schism in Altai.. Vestnic NSU. Series: History, Philology, 19, 1, 132–143. (In Russ.)
10. Nikulin, A. A. (2011). The Renovatianist split in Western Siberia in the 1920s–1930s. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2, 2, 85–90. (In Russ.)
11. Kulpinov, S. S. (2024). On the problem of the transformation of Siberian Renovatianist ideology in the mid-1920s: the results of the III Local Council in Siberia and the III Siberian Regional Church Congress in 1926. Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary, 1 (22), 31–46. (In Russ.)
12. Kulpinov, S. S. (2024). Stanovlenie i klyuchevye osobennosti sibirskoj obnovlencheskoj ideologii na rannem ehtape (1922–1923 gg.)= Formation and key features of the Siberian renovatianist ideology at an early stage (1922–1923). Christian reading, 2, 317–329. (In Russ.)
13. Levitin-Krasnov, A. E., SHavrov, V. M. (1996). Ocherki po istorii russkoj cerkovnoj smuty = Essays on the history of the Russian Church Troubles. Moscow: Izdatel'stvo Krutickogo podvor'ya. (In Russ.)
14. Trudy Pervogo Vserossijskogo S'ezda ili Sobora Soyuza Cerkovnogo Vozrozhdeniya = Proceedings of the First All-Russian Congress or Council of the Union of Church Revival (1925). Leningrad: without publishing house. (In Russ.)
15. Debate on the report of prot. P. N. Krasotin (1926). Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church, 6 (2), 15–17. (In Russ.)
16. Doroga v ad =The road to hell (1923). Buryat-mongol'skaya Pravda, 21 noyabrya (p.3). (In Russ.)
17. Lavrinov, V. V., archpriest (2018). Vremennyj Vysshij Cerkovnyj sovet i ego rol' v istorii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (1925–1945) = The Provisional Supreme Church Council and its Role in the History of the Russian Orthodox Church (1925–1945). Moscow: Obshchestvo lyubitelej cerkovnoj istorii. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кульпинов Сергей Сергеевич

доктор церковной истории, кандидат богословия, доцент

доцент Томской духовной семинарии Томской епархии Русской Православной Церкви

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulpinov Sergey Sergeevich

Doctor of Church History (Dr. habil.), PhD (Divinity), Associate Professor

Associate Professor of the Tomsk Theological Seminary of the Tomsk Diocese of the Russian Orthodox Church

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.05.2024
01.06.2024
02.07.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication